

В. А. Маслова
Витебск, Белоруссия

V. A. Maslova
Vitebsk, Belarussia

**НЕЛИНЕЙНОСТЬ ПОНИМАНИЯ
ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

**NONLINEARITY UNDERSTANDING
OF POETIC TEXT**

Аннотация. Понимание – сложное понятие. В настоящее время сформировалась две разновидности герменевтики – филологическая и философская. В лингвистику проблему понимания внес В. фон Гумбольдт. Герменевтика занимается проблемой понимания художественного текста в рамках мыследеятельностной парадигмы.

Abstract. Understanding is a complex concept. There are two versions of hermeneutics emerged currently – philological and philosophical. The problem of understanding introduced by W. von Humboldt in linguistics. Hermeneutics deals with a questions of understanding a literary text within the thought-activity paradigm.

Ключевые слова: понимание; герменевтика; поэтический текст;

Key words: understanding; hermeneutics; interpretation; poetic text.

Сведения об авторе: Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка.

About the author: Valentina Maslova Avraamovna, Doctor of Philology, Professor of the Russian language Department.

Место работы: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова.

Place of employment: Vitebsk State University named after P.M. Masherov.

E-mail: mvavit@tut.by

Проблема понимания – одна из самых глубоких в гуманитарных науках. Л. Витгенштейн справедливо считал, что реальное человеческое понимание неизмеримо богаче его теоретических воплощений. А понимание художественных текстов – еще более сложный процесс. Не случайно С.С. Аверинцев всю филологию назвал «службой понимания». С самой постановкой проблемы понимания связано революционное изменение в научном мышлении.

Одним из первых на нее обратил внимание Аристотель в учении об энтимеме (сокращенном умозаключении), в котором отдельные части опускаются, ибо содержатся в сознании слушателя. В лингвистику проблему понимания внес В. фон Гумбольдт [2].

Понимание – многоаспектное и сложное понятие. В настоящее время сформировалась две разновидности герменевтики – филологическая (Г.И. Богин, А.А. Богатырев, Н.Л. Галеева и др.) и философская (А.А. Брудный, В.К. Нишанов, В.И. Кузнецов и др.), которые занимаются проблемой понимания художественного текста в рамках мыследеятельностной парадигмы.

Чтобы попытаться проникнуть в данную проблему, мы принимаем следующий постулат. Сами по себе языковые выражения не имеют значения. Их содержание определяется только содержанием концептуальной системы.

Наша вербальная способность базируется на способности восприятия объектов и состояний мира. Нет и не может быть проблемы понимания языка/речи вне проблемы понимания мира.

Содержание определенного художественного текста для реципиента – это некая совокупность смыслов, актуализированных этим текстом в его мышлении. Следовательно, языковая единица, актуализируя все ментальное содержание, связанное с ней в опыте реципиента, позволяет ему присваивать речевое произведение (понимать его). То есть языковой знак практически возбуждает в мышлении реципиента процесс смыслопорождения. (Попутно отметим, что такая позиция позволяет рассматривать открытость системы языка не столько как принципиальную возможность введения в язык новых субстанциональных элементов, сколько как возможность обозначать имеющимися элементами практически бесконечное число смыслов).

Отсюда следует, что никакое вербальное произведение не исчерпывает соотносимого с ним смыслового содержания. С другой стороны, роль языка в процессах смыслопорождения выявляется, по крайней мере, трояко: язык – это средство кодирования смыслов телами знаков, с помощью манипулирования языковыми единицами осуществляется манипулирование смыслами, язык есть средство социальной коммуникации и рефлексии. Язык объективирует содержание концептуальных систем. Отсюда можно определить концептуальную систему (картину мира) как континуальную систему смыслов, структурирующуюся в деятельности индивида в результате присвоения им конвенционального опыта, перцептивных процессов и собственно рефлексии мышления.

Понимание текста включает в себя несколько этапов:

1. Восприятие текста.
2. Узнавание и понимание значения в данном языке.
3. Узнавание и понимание в контексте данной культуры.
4. Активное диалогическое понимание.

Понимание, по своей природе диалогично (а скорее, даже полилогично)» [3, с. 68]. Понимание речи предполагает реконструкции этой скрытой диалогичности получаемых сообщений, развертывание внутреннего диалога. Причем, понимание – не просто диалог, а столкновение «привычного» и «непривычного», поскольку диалог оказывается невозможным в том случае, если его участники воспринимают сообщения собеседника, только включая их в свой привычный и фиксированный набор смыслов или стараются полностью воспринять способ осмысления, принятый собеседником.

Вопрос влияния культуры на процесс понимания и интерпретации интересует философов, лингвистов, литераторов, психологов. Лингвистов интересует эта проблема в связи с развитием и функционированием языка, поэтому исследования в этом направлении опираются, как правило, на сознание людей творческих, в том числе писателей и поэтов.

В этой связи посмотрим на поэтический текст глазами автора и читателя. Для примера возьмем стихотворение Дмитрия Бураго «**Ау!**»:

- Где небо дружит с языком?
- Там, на востоке, где китайцы ...
- Там время, как песок сквозь пальцы, к реке уходит босиком...

*Река вершит повествованье
в разливах рисовых полей,
тая за спинами дождей
важнейшее напоминанье...*

Автор задает «вечный» вопрос: - *Где небо дружит с языком?* Небо – мир возвышенный, духовный, мир божеств. Язык загадочен и уникален не только своей глубиной, но и своей народообразующей способностью. В самой системе языка есть механизмы самосохранения, самозащиты и саморазвития. Он есть креативная сущность, т.к. человек получил от Бога возможность творить посредством слова. По Библии, именно Слово станет главным свидетелем на Божьем Суде: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (Мф. 12: 36-37). Ничто из услышанного и сказанного не проходит мимо человека, оно оставляет на нем печать, некое подобие матрицы, хранящейся в самых потаенных глубинах памяти. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) сказал в проповеди 1945 года: «Ни одно слово, исходящее из уст человеческих, не теряется в пространстве бесследно. Оно всегда оставляет глубокий, неизгладимый след. Слово – это как бы «зарубка», которая метит не предмет, не явление, а некий смысл, связанный с этим явлением, тем самым оно заряжает энергией предмет, делая его своим, познанным, определяет его место в своем бытии, ибо слово – “максимально напряженное осмысления бытия”» (4, с.40).

Слово живет среди нас и действует на сердца наши, ибо в слове содержится великая духовная энергия – или энергия любви и добра, или, напротив, богопротивная энергия зла. Современные ученые подтверждают, что любое произнесенное слово есть не что иное, как волновая генетическая программа, влияющая не только на нашу жизнь, но и на жизнь наших потомков. Слово сакрально, ибо в нем заложено сокровенное знание о Боге.

Так, где же небо дружит с языком? Лирически герой полагает, что где-то в Китае, китайцев называют «жителями поднебесной», т.е. они ближе к небу. Сами китайцы долгое время жили в изоляции (Великая китайская стена) от внешнего мира, поэтому их язык чистый, свободный, это тонический, музыкальный язык.

В данном стихотворении возникает многоголосие. Время уходит к реке босиком, т.е. оно едино с природой, уходит – не бежит – это указание на размеренное взаимодействие времени и пространства. Река – это символ жизни, ее течение. Время сравнивается с ускользающими из рук песчинками, хрупкими и скоротечными. Т.е. время поглощает круговоротом жизни, для того, чтобы в итоге просто раствориться, исчезнуть, ускользнуть. Достигнув гармонии, язык, небо, река, время сливаются воедино.

Вторая строфа – своеобразный отклик на сонм поставленных автором вопросов в первой. Жизнь идет своим ходом в «разливах рисовых полей», т.е. неотделимо от природы, так или иначе с ней соприкасаясь. Рис питает людей, дает жизнь. Он – и духовная, и материальная пища в стихотворении.

«Река вершит повествование». Последнее слово за течением жизни, она расставляет все на свои места. Дождь с неба – олицетворение Высшего Начала. Оно питает реку, т.е. дух, а дух – тело. За пеленой горестей и радостей, из-за которой человек порой забывает самое главное, таится смысл, «напоминание» о том, что помимо земного существует и духовное, о котором нужно всегда помнить.

Смысл названия «Ау!» заключен во второй строфе. Она и есть отклик на вопросы духовного характера. Люди независимо друг от друга задают одни и те же вопросы. И им эхом-откликом поступает ответ в иносказательной форме при помощи знаков-символов.

Многоточия указывают на недосказанность, некоторую незавершенность. Автор дает читателю возможность додумать самостоятельно или более глубоко обдумать написанное, осмыслить. Это стихотворение – полилог: языка с небом, человека с миром, природой, времени с пространством и т.д.

Таким образом, читатель, воспринимая стихотворение, вступает с ним в диалог и налагает на него собственную схему смысла, что позволяет ему увидеть в данном тексте нечто свое.

При восприятии и понимании текста интерпретатор не только стремится подвести свой смысл под авторский, но и пытается познать смысл всего текста (см. работы Г. Гадамера, Ф. де Соссюра). При этом процесс понимания различных многозначных фраз связан с опознаванием того, что желает сказать автор. Многозначность текста, либо его отдельных фраз будет снята после того, как человек определится с представлением того, что написано в данном тексте, т.е. какой смысл кроется в этом конкретном тексте. При этом, безусловно, важным моментом является возможность соотнесения текста с культурой и действительностью (реальной или игровой моделируемой ситуацией, с культурой, которую и автор, и интерпретатор «вписывают» в свою картину мира.

Мой учитель А.А. Брудный утверждает, что все сюжетно организованные тексты образуют смысловые системы [1, с. 176]. Эти системы следует понимать как совокупность смысловых полей, наличествующих в тексте. Смысл литературных текстов закодирован пятью способами (или кодами), которыми должен пользоваться читающий (декодирующий), чтобы постичь замысел автора:

- 1) код повествовательных действий, характеризующий последовательность действий;
- 2) семантический код, объединяющий все существенные для понимания текста понятия, которые в нем встречаются;

3) код культуры, включающий в себя все необходимые сведения о культуре (в широком смысле) данной эпохи необходимые для того, чтобы мысль повествователя могла быть ясно понята читателями;

4) герменевтический код, содержащий формулировку вопроса, который задается в повествовании, и формулировки возможных ответов;

5) символический код, создающий как бы фон глубинных психологических мотивов, в скрытом виде заключенных в повествовании.

Таким образом, восприятие, и понимание поэтического текста – это и коммуникативная, и эстетическая национально-культурная деятельность, что позволяет применить к исследованию текста как деятельностьную, так и лингвокультурологическую теории.

Литература

1. Брудный, А.А. Психологическая герменевтика: уч.пос. / А.А. Брудный. – М., 1998. – 336 с.
2. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по философии языка. – М., 1985.
3. Гусев, С.С., Тульчинский, Г.Л. Проблема понимания в философии. – М., 1985.
4. Маковский, М.М. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность – формы – развитие. – М., 2000.

References

1. Brudnyj, A.A. Psihologicheskaja germenevtika: uch. pos. / A.A. Brudnyj. – М., 1998. – 336 s.
2. Gumbol'dt, V. fon. Izbrannye trudy po filosofii jazyka. – М., 1985.
3. Gusev, S.S., Tul'chinskij, G.L. Problema ponimaniya v filosofii. – М., 1985.
4. Makovskij, M.M. Fenomen tabu v tradicijah i v jazyke indoevropejcev. Sushhnost' – formy – razvitie. – М., 2000.